Ночь.

Сжалося сердце тоскою томительной...
Пѣснь я пѣть не могу,
Дума весь день шевелится мучительно
Лютой змѣею въ мозгу.

***

Ночь-ли тревожитъ такъ страшно, беззвѣздная,
Стонъ ли погнутыхъ деревъ?
Вьюги-ль разсерженной жалобы слезныя
Вѣтра ли злобный напѣвъ?

***

Въ сердцѣ моемъ—та же ночь непроглядная,
Только ненастье сильнѣй...
Жизнь моя горькая, жизнь безотрадная,
Гдѣ же конецъ будетъ ей?

***

Улица тьмой поглотилась, пустынная,
Чуть лишь блеститъ огонекъ,
Скоро минуетъ ночь страшная, длинная,
Скоро: разсвѣтъ недалекъ!

***

Солнце проснется веселое, ясное,
Свѣтомъ весь міръ обольетъ,
И позабудется ночька ненастная,
Міръ обновленный вздохнетъ.

***

Ночь же въ душѣ моей вѣчно останется,—
Ночь непроглядной тоски...
Солнце туда никогда не заглянется,
Тамъ не блеснутъ огоньки...

О. Б—ова.

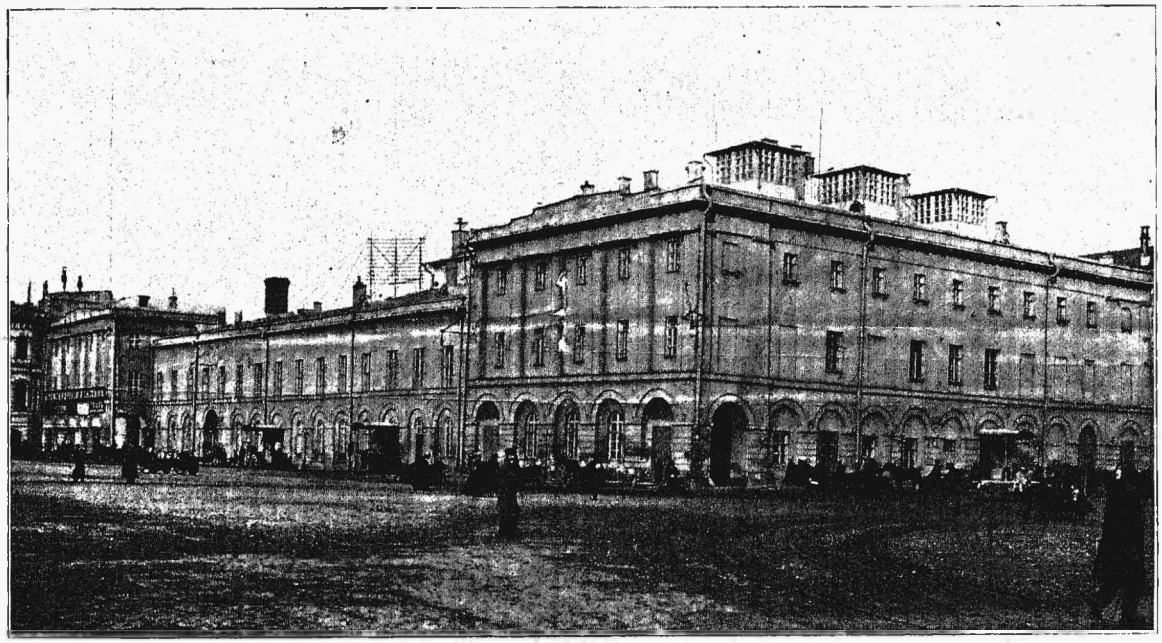
Императорскій Малый театръ въ Москвѣ.

(По случаю 75-ти лѣтія).

14 октября исполнилось семьдесять пять лѣтъ съ того дня, какъ состоялся первый спектакль въ домѣ Варгина, на Петровской площади, приспособленномъ для Императорской сцены, тогда же получившей названіе *Малаго* театра.—Такъ, по крайней мѣрѣ, названъ этотъ театръ въ современномъ объявленіи о началѣ въ немъ спектаклей, снимокъ съ котораго прилагается къ настоящей статьѣ. Это же названіе, пользующееся широкой популярностью и славой во всей Россіи, удержалось за нимъ и до-нынѣ.

Но будетъ ошибкой сказать, что исторія Малаго театра въ Москвѣ за три четверти вѣка его существованія, исключая немногіе, сравнительно, послѣдніе годы,—есть въ то же время исторія наиболѣе блестящаго періода русскаго драматическаго искусства, исторія его роста, его поразительно быстрыхъ успѣховъ.—Сцена Малаго театра впервые заставила русское общество всей душой полюбить театръ, понять его истинное значеніе, его высокое призваніе быть „школой правовъ народа", заставила, наконецъ, отрѣшиться отъ взгляда на театръ, какъ на веселую забаву. „Зачѣмъ мы ходимъ въ театръ, зачѣмъ мы такъ любимъ театръ?—задается вопросомъ современникъ блестящей эпохи Малой сцены В. Г. Бѣлинскій, и, вдохновленный пережитыми *именно* въ залѣ Малаго театра впечатлѣніями, — отвѣчаетъ: „Затѣмъ, что онъ освѣжаетъ нашу душу, завядшую, заплѣсневѣлую отъ сухой и скучной прозы жизни, мощными и разнообразными впечатлѣніями, затѣмъ, что онъ волнуетъ нашу застоявшуюся кровь неземными муками, неземными радостями и открываетъ намъ новый, преображенный и дивный міръ страстей и жизни. Въ душѣ человѣческой есть то особенное свойство, что она какъ будто падаетъ подъ бременемъ сладостныхъ ощущеній изящнаго, если не раздѣляетъ ихъ съ другою душой. А гдѣ же этотъ раздѣлъ является такъ торжественнымъ, такъ умилительнымъ, какъ не въ театрѣ, гдѣ тысячи глазъ устремлены на одинъ предметъ, тысячи сердецъ бьются однимъ чувствомъ, тысячи грудей задыхаются отъ одного упоенія, гдѣ тысячи *я* сливаются въ одно общее цѣлое въ гармоническомъ сознаніи безпредѣльнаго блаженства?"

Такъ говоритъ В. Г. Бѣлинскій, какъ мы упомянули уже,—именно подъ вліяніемъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ зрительнаго зала Малаго театра. Мы не находимъ нужнымъ доказывать это, такъ какъ приведенная цитата есть выдержка изъ статьи знаменитаго критика, посвященной сравненію игры пріѣзжавшаго тогда на гастроли въ Москву петербургскаго артиста Каратыгина съ игрой П. С. Мочалова...



Императорскій Малый театръ въ Москвѣ.

Безъ сомнѣнія, приведенный взглядъ на театръ былъ въ эпоху Бѣлинскаго болѣе или менѣе общимъ, и нашъ незабвенный критикъ явился лишь наиболѣе краснорѣчивымъ его выразителемъ. Да и могло-ли быть иначе въ то время, когда на сценѣ Малаго театра подвизались возросшіе и воспитавшіеся на ней такіе дѣятели нашей драмы, какъ П. С. Мочаловъ, М. С. Щепкинъ, Д. Ленскій, наконецъ Шумскій, Садовскій и Самаринъ, какъ Никулина-Косицкая, Акимова, недавно скончавшаяся Н. М. Медвѣдева и др., имена которыхъ навсегда останутся лучшими украшеніями нашей театральной лѣтописи...—Они, эти незабвенные подвижники Малой сцены, создали Московскій драматическій театръ,